

Ирина Глебова

Честь дома Каретниковых

*Часть сборника
Таинственное исчезновение
(сборник)*

Ирина Николаевна Глебова
Честь дома Каретниковых
Серия «Следователь
Викентий Петрусенко»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2823505
Таинственное исчезновение: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-53724-2

Аннотация

В повести «Честь дома Каретниковых» сыщику Петрусенко предстоит столкнуться с гениальной мистификацией: своенравная дочь известного богатого фабриканта, незадолго до его убийства, сбежала со студентом строить светлое будущее на ворованные родительские ассигнации. Но почему тогда оставшийся в семье сын так похож на свою непутевую сестру – и жестами, и походкой? И тут Петрусенко нет равных в умении найти виновного!

Яркие сюжеты Ирины Глебовой продолжают увлекательную яркую серию «Интересный детектив»!

Содержание

1	4
2	9
3	17
4	25
5	32
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Ирина Глебова

Честь дома Каретниковых

1

Хороша зимняя ночь в городе Саратове: когда несильный мороз – градусов десять, кружатся в лунном спокойном свете снежинки, серебром отливают расчищенный на замерзшей Волге каток... Умиротворение в природе и, казалось бы, в людских душах. Процокают в тишине копыта пары рысаков, из коляски выйдет барышня, опираясь на руку кавалера. И хотя домишко, куда они направляются, какой-то неказистый и барышня одета скромно, но кавалер хорош – галантен, элегантен, строен. Блеснут из-под меховой шапки темные глаза, почудятся бравые усы, чисто выбритый подбородок... Он пропустит барышню в отворенную дверь, пригнетса, заходя сам, коротко глянув через плечо... Наутро первый прохожий наткнется в проходном дворе, у сараев, на мертвое тело: молодая женщина, совершенно раздетая и изувеченная так, что приехавшие полицейские, бывалые люди, не могли смотреть, отворачивались. И, приглушая голоса, со страхом говорили: – Еще одна... Опять он...

Слава богу, кончился кошмар, тянувшийся больше года, державший в страхе весь Саратов! Та девушка в проходном

дворе на кровавом снегу стала последней. Убийца, жуткий изверг, сидит за семью замками в городской тюрьме, ждет своей участи.

Следователь по особо опасным преступлениям Петрусенко уехал бы к себе домой, в южный город, еще вчера. Он человек скромный, и пышные лавры героя его смущают. А тут словно бы весь Саратов гудит: «Герой! Гений сыска! Талант!..» Полицмейстер не устает повторять на различных встречах и приемах:

– По одному санному следу! Представляете, нашел убийцу! По санному следу!

В голосе удивление и восторг. Приятно, что коллега, не испытывая зависти и обиды, отдает должное. Правда, его, Петрусенко, с самого начала в Саратове встретили доброжелательно. Местные сыщики пали духом: кровавым драмам, казалось, нет конца, а следствие каждый раз упирается в тупик. Когда из столицы сообщили: «Пришлем вам на подмогу отличного специалиста», – особых надежд не питали, но встретили по-доброму. И вот – месяца не прошло, а злодей пойман!

Конечно, Петрусенко прекрасно осознавал: следствие он провел блестяще. Но одно дело признаваться в этом самому себе, другое – шум, восхваление вокруг... Нет, этого он не любил. Домой, пора домой! Там свои дела, семья...

Но полицмейстер, узнав о его решении, стал уговаривать: – Викентий Павлович, как же так? Нельзя сразу... Город-

ской голова на послезавтра званный вечер объявил для именитых людей города – в вашу честь!

В голосе коллеги пробивались нотки обиды. Петрусенко стало неловко, и он поспешил сказать, что, конечно же, останется.

Разговор происходил в городском управлении полиции, и Викентий Павлович собирался уйти пораньше и отдохнуть. Но сделать этого не удалось. У двери громко заговорили. Молодой звонкий голос просил: «Пустите к приезшему следователю!» Дежурный и еще кто-то из полицейских запрещающе басил, и полицмейстер поморщился:

– Сейчас разберусь!

Он распахнул дверь, и в комнату буквально ввалился парень – в дубленом полушубке, с шапкой в руке. Следом грозно затопали стражи, но начальник уже узнал посетителя, укоризненно покивал головой:

– Митяй! Это ты шумишь? Не ожидал от тебя! Что за выдумки, говори быстро?

Парень был молод, высок, хорош собой. Русые кудри, румяные щеки, синие глаза казались почти темными под густыми ресницами.

«Вот так молодец!» – только и успел подумать Викентий Павлович, как парень чуть ли не взмолился:

– Дядя Устин Петрович! Дайте поговорить! Ведь не шалопай же я! Дело серьезное...

Полицмейстер был явно в смущении. Развел руками:

– Господин Петрусенко, это родич мой. Просится к вам на разговор. Соизволите ли?

– Отчего же... – Викентию Павловичу парень, глядящий просительно, но ясно и прямо, нравился все больше. – Я вас, молодой человек, охотно выслушаю. Дело, говорите, серьезное?

– Дмитрий! – начальник слегка повысил голос. – Если про то самое говорить станешь, лучше брось! Пустое...

– Нет, дядя! – Парень решительно положил шапку на диванчик, скинул полушубок. – Про то и поведу разговор. А вы уж, коль так, будьте добры, оставьте нас. А то ведь не дадите говорить.

Полицмейстер хмыкнул:

– Браво!.. И вправду, лучше уйду. Пришлю вам самоварчик с баранками.

Петрусенко и Дмитрий остались одни.

– Господин следователь, – сразу же заговорил парень. – Не подумайте, что я подольститься хочу. В округе все о вас говорят: «российский Шерлок Холмс»! А я думаю: аглицкий сыщик выдуманный, а вы вон какое дело раскрутили. Чудо! Вот решил вам душу излить. Если вы не поможете, то уж никто!

– К начальнику полиции вы уже обращались, как я понял? – спросил Петрусенко.

Дмитрий махнул рукой:

– Он меня сызмальства знает, потому, может, всерьез и не

принимает. Да и дело, как ему кажется, «житейское». Это он так сказал: «Ну, убежала девица из дома с женихом – дело житейское».

– Речь, значит, о пропавшей девушке?

– Вот! В самую точку! – Парень даже подпрыгнул на стуле. – Только давайте я вам с самого начала расскажу, а то запутаться можно.

Унтер занес в комнату обещанный самовар, чашки, миску с баранками. Как добрые знакомые, греясь горячим чайком, следователь и его посетитель вели беседу. Рассказ Дмитрия показался Викентию Павловичу очень занимательным.

Уездный город Вольск в трехстах километрах от Саратова. Узловая станция и речная пристань сделали его оживленным торговым центром, позволив процветать и набирать капитал нескольким десяткам купеческих семей. Одной из таких была семья Каретникова Ивана Афанасьевича. Крупный рыбный промысел, два парохода, баржи, ходившие с грузом по Волге, канатная фабрика... Собственно, начав как купец, Каретников в последние годы стал крепким промышленником. Митя Торопов служил у него сначала писцом в конторе, а к 25 годам получил повышение – помощник управляющего всеми делами.

Уклад же в семье Каретниковых сохранялся патриархальный, купеческий. Дети получили домашнее воспитание и хотя уже вошли в возраст, отец не собирался отправлять их в университеты и пансионы. А было их двое: сын и дочь, Настя и Андрей – близнецы.

Вот тут рассказ молодого помощника управляющего стал особенно эмоциональным – то восторженным, то гневным. Он был влюблен в Настю Каретникову и не скрывал этого.

– Ну так что же, – запальчиво восклицал Митя, ероша свои густые волосы, – что же, если один ребенок родился крепким и здоровым, а другой хворым? Какая же это мать, если одному дитяти – всю любовь, а другого вроде бы и нет

совсем!

В самом деле, девочка у Каретниковых родилась крепенькой, шустрой, а ее братишка-близнец с первых же минут, как сказал доктор, был «не жилец». С этого все и началось. Мария Петровна, едва оправившись от родов, не отходила от колыбели сына. Сколько слез пролила, сколько ночей не спала, сколько земных поклонов у икон положила! Вымолила-таки у Бога своего ненаглядного Андрюшеньку – жив остался! И все эти полгода, пока над мальчиком ангел-хранитель и ангел смерти битву вели, здоровая крикуха Настя была убрана с материнских глаз – отдана няньке и кормилице. Сама Мария Петровна о ней и не вспоминала – как и не было ее. И потом еще лет шесть, пока болезненный сыночек больше хворал, чем здравствовал, девочку к нему почти не подпускали. Свели вместе, когда к детям начали ходить учителя. И тогда все поразились – как они похожи! Две капли воды! Не будь разного пола – не отличить.

– Настя ведь росла у меня на глазах, – продолжал рассказывать Митя. – Я сам еще мальчишкой был, но видел, что она, кроха, такая самостоятельная, умница. А смелая! На нее-то внимания почти не обращали, а значит, ничего не запрещали. Росла при кухне, при конюшнях, в поле да у реки. Все ее любили, кроме отца-матери. Ну, Иван Афанасьевич просто не замечал девчонку. Да и дома бывал нечасто – дел много, а хозяин он хороший, во все сам вникал. А вот мамашу свою Настенька просто раздражала!

Митя Торопов, умный и старательный отрок, скоро из писца стал порученцем у хозяина. Потому и в доме Каретниковых часто бывал, многое видел. Марию Петровну временами совесть материнская за сердце брала, она говорила прислужнице:

– Где там Настасья бегают? Приведите в дом.

Девочка станет перед ней: щечки горят от радости, глаза сверкают, голосок дрожит смущенно:

– Маменька, я только цыпляток на заднем дворе кормила.

– Экая ты... дикарка. Ну пойди, приберись да с братцем поиграй.

Поцелует девчоночка руку мамаше, побежит причесываться да переодеваться. А потом затеют с братцем в детской комнате шумную возню. Андрей, хоть и изнеженный мальчик был, сестричку любил. Во-первых, видел ее нечасто, успевал соскучиться. Во-вторых, выдумщица она была знатная. Паровоз придумает из стульев, кресел и самоварной трубы. Или сказку сама сочинит про маленьких человечков, живущих под полом. Зайдет Мария Петровна в детскую, а они лежат животами на полу, в щелку между досок заглянуть пытаются. Голубоглазые, белокурые – загляденье. Но не успеет мать умилиться, как обязательно Андрюшка заверещит: или споткнется, упадет, или палец прищемит, или на Настю обидится – что-то она лучше его делает! Мария Петровна тут же в раздражении отошлет девочку:

– Какая ты!.. Братика жалеть надо, он хворый. Беги уж...

У девочки слезы на глазах, она жалеет братика, хочет еще с ним играть. Но Андрюша уже насупился, прижался к матери...

С совместным гуляньем выходило почти так же. Нарядят обоих детей, как на картинке, мамаша с зонтиком, служанка с корзинкой, когда еще слугу Захария или его, Митю, с собой возьмут. И – в городской парк, где другие семьи по аллеям прогуливаются, под шарманку обезьянка танцует, оркестр духовой играет... Пока чинно прогуливаются – все хорошо. Люди на них любуются, знакомые дамы подходят, заговаривают, умиляются детям. Но вот Настя побежит к пруду, Андрюша – за ней, упадет, заплачет. А если и не упадет, то лебедь у Насти с уверенной ручки хлеба возьмет, а робко тянущуюся Андрюшину ладошку клюнет... Прижимая к себе плачущего мальчика, Мария Петровна чуть ли не шипит на Митю:

– Уводи сейчас же Настю домой, скорее!

По дороге обратно Настя идет обиженная, молчит, даже чуток всхлипывает. И за руку Митю не хочет держать. Но он обязательно ее чем-нибудь насмешит, и к дому они уже подбегают наперегонки, весело смеясь. Ведь он сам еще почти мальчишка...

Иван Афанасьевич меньше вникал в детские проблемы, но сына, конечно, выделял. Как же – наследник, надежда! Когда он подрос, лет тринадцати, отец стал брать Андрея с собой – на фабрику, в порт на загрузку барж. Мария Петров-

на очень противилась этому, боялась за здоровье сыночка. И однажды после такой ссоры Каретников с раздражением махнул рукою, крикнув жене:

– Да забери ты своего баловня! Все равно с него толку никакого! Интересы к делам ни на каплю нету. Только хнычет и к мамочке просится, тьфу!

С того времени он стал приглядываться к дочери – крепкой, ловкой, очень любознательной девочке с острым умом и живым воображением. Даже сказал однажды как бы шутя:

– Вот обрежу Настасье волосы, а тебе, Андрюха, косу отпущу и поменяю вас местами. Никто и не заметит разницы. А мне настоящий помощник будет...

Только Митя уловил в его голосе тоску и вроде бы даже мечтание – словно и вправду так можно было сделать. И еще приказал тогда же Каретников:

– Чтоб учителя равно с детьми занимались!

Он знал, что в основном уроки давались Андрею, Настю же часто отсылали по хозяйству. Мария Петровна считала: зачем девице науки? Читать-писать умеет – и достаточно.

Год назад, прошлую зимой, состоялся у хозяина с ним, Митей Тороповым, интересный разговор. Двадцатипятилетний Дмитрий уже два года состоял помощником управляющего, а по сути – все дела фабрики и рыбоперерабатывающего завода находились в его руках. С Каретниковым отношения у них сложились отличные, они хорошо друг друга понимали. Однажды они вдвоем разбирались с делами в кон-

торе, в кабинете хозяина. Иван Афанасьевич вдруг отодвинул бумаги, спросил:

– А что, Митяй, я замечаю, моя Настасья тебе нравится? Или ошибся?

Митя густо покраснел, но глаза не отвел. Ответил:

– Настасья Ивановна прекрасная девушка... Кому ж такая не понравится! Я ведь ее сызмальства знаю, люблю как сестру.

– Как сестру? Ой ли? – усмехнулся Каретников, все так же пристально глядя на своего молодого помощника.

Тут Митя погрузился, махнул рукою:

– А что толку? Она ко мне как к старшему брату относится, это уж точно.

Иван Афанасьевич обошел стол, приобнял Митю за плечи:

– Идем-ка на диванчик присядем, поговорим.

Они пересели на диван, обитый черной кожей.

– Ты знаешь, Митрий, каким вырос мой сын и главный наследник, – заговорил Каретников и скривился, как от горького лекарства. – Хуже барышни изнеженной! Как ему передам дело? И так после бунтов сколько потеряно! Только наладил, только восстановил капитал. Он же все погубит!

Митя хорошо знал, сколько убытков принесли бунты и погромы пятого года: разгромлен один пароход, сожжены три баржи, рабочие завода и фабрики бастовали. Потом было жестокое усмирение – горький год кровавых обид и вражды. И

лишь три года спустя хозяйство почти вошло в норму.

А Каретников продолжал:

– Зато дочь у меня – совсем другое дело. Вот бы хозяин был!

– Да, – Митя не мог не улыбнуться. – Настасья Ивановна девушка характера решительного, деятельного.

– А умна! А хороша-то!.. – Каретников подмигнул.

– Она просто красавица! Да только, Иван Афанасьевич, не про меня.

– Это ты, друг милый, напрасно. Если думаешь, что я гоняюсь за богатым зятем, – ошибаешься. Сам не беден, да и не старый я еще мужик, свой капитал успею удвоить и утроить. Детей обеспечу. Чужих достатков мне не надо. А вот помощника в семью – толковую голову и руки работающие, – вот о чем мечтаю. Чтoб дело кровное ему стало, чтoб после меня обо всех заботился. Разумеешь, на что намекаю?

– Лестно мне на свой счет это разуместь...

– А ты не тушуйся. Оженим вас, ты мне не только любезным зятем будешь, а наипервым помощником и опорой! И так ведь хозяйство до нутра знаешь!

– Иван Афанасьевич, я ведь без отца-матери рос, сколько лет при вашей семье. Мне ли не хотеть войти в нее навсегда! – с тоской воскликнул Митя. – Но ведь не любит меня Настя!

Господи, думал ли он, что сам хозяин предложит ему то, о чем вот уже два года он тайно мечтает? Настя!.. Он других-то

девушек и не замечает, хотя не без глаз, знает, что не одна по нем сохнет – из хороших семей дочери. А Каретников гнул свое:

– Полюбит, Митя, как женой станет – полюбит. Как тебя не полюбить: парень ты видный, добрый, работающий. Кто ж девицу-то спрашивает – как родители скажут, так и будет.

Митя представил, как Настю силком ведут к венцу, и даже смешно ему стало, хоть и не веселый был тот смех.

– Нет, – сказал он. – Я ее характер знаю. Настю неволить, только себе хуже делать. Без ее ответной любви не могу и думать о женитьбе.

Иван Афанасьевич в сердцах даже ногой притопнул:

– Экие вы, молодые!.. Прогрессивные... А я вот, да, старомоден, по отцовским заветам живу... Ну что ж, не можешь без любви – так добивайся! Пусть тебя полюбит. Я, коли надо, помогать буду...

А через полгода после этого разговора и случилось то, что привело Митю Торопова к следователю Петрусенко.

Некоторое время назад Настя Каретникова стала ходить в какой-то кружок. Домашние сначала об этом не знали – де-вушка она всегда была самостоятельная, контролем не обремененная. Да и взрослая уже – восемнадцать лет. Но потом отец прознал – дочь обратилась к нему с просьбой дать денег. Раскричался было: «Не хватало мне в доме социалистики!» Настя объяснила, что кружок не политический, а благотворительный: детей рабочих грамоте учат, больным помощь оказывают. Назвала нескольких девиц из хороших семей. Поворчал еще Иван Афанасьевич, но денег дал, сказал: – Ладно... Только особо не милосердствуй, знай меру. И гляди, если крамольные речи начнутся – уходи! Ты у меня девица рассудительная, полагаюсь на тебя.

Как оказалось, особо полагаться и не стоило. Проверить бы Ивану Афанасьевичу – кто еще в тот кружок заглядывает. Да только у него в то время иные заботы появились, личные. В общем, завел он себе пассию. И вскоре в городе заговорили: «Каретников своей любовнице апартаменты снял шикарные, экипаж купил, в рестораны вывозит...»

Так оно и было. Мария Петровна, уставшая от жизни, забот и переживаний, давно не интересовалась мужем. Ее единственная любовь, единственная забота – Андриюшенька, он всегда был при ней, и больше этой рано состарившейся

женщине ничего, казалось, и не нужно. Иван Афанасьевич тоже давно не интересовался женой, в последнее время и виделся с ней редко. В свои сорок семь лет он был красив, силен, молод. У него всегда водились женщины на стороне, но так, мимолетно. Эта же, последняя, Антонина, привязала к себе накрепко. О ней он мечтал давно. Рыжеволосая красавица с пышными формами и осиною талией была содержанкою купца-миллионщика Брюханова. Иван Афанасьевич и Брюханов – один круг, не раз задавали общие пирушки. И всегда с вожделием смотрел Каретников на Антонину, думал: «Такая баба эдакому сморчку старому! Эх!..» Казалось ему, что она из всех тоже его выделяет – ловил откровенные взгляды, в которых угадывал и сожаление, и обещание... А потом Брюханов помер в одночасье, и Каретников оказался молодцом, всех опередил. Теперь Антонина, Антоша, – только его забота! До других ли забот?

В том самом благотворительном кружке познакомилась Настя Каретникова со студентом Константином Журиным. Личность, надо сказать, загадочная, мало кому известная. Учился якобы в Москве на инженера-путейца, взял академический отпуск после болезни легких, приехал в Вольск к институтскому другу подлечиться, подышать ветрами приволжских степей. Высокий, чуть сутулый, темнокудрый, с горящими глазами, мягкими усами, подчеркивающими красивый изгиб губ, ямочкой на подбородке. Он так много знал и видел, был скромн и воспитан, бескорыстно занимался с

бедняцкими ребятишками! В кружке было две гимназистки – глаз с него не сводили. А уж девушки из купеческих семей таких парней никогда и не встречали. Любая готова была ему сердце отдать. Но он выбрал Настю. И то правда: кто из подружек – жеманных, недалеких домоседок – мог с ней сравниться!

Настя и Константин стали встречаться не только на собраниях кружка или при совместных посещениях больных рабочих. Все чаще уходила она из дома, чтобы погулять с ним в сквере, у реки, просто выйти на окраину города, где начинаются уже степные травы. Как интересно он рассказывал! Ей, провинциалке, и не снилось то, что он видел и знал. А когда она ловила на себе его глубокий взгляд, на глаза наворачивались слезы. И это у нее, Настеньки, которая не плакала ни от обид, ни от боли! Но в Костиных глазах было столько нежности...

Однажды в начале лета Константин пригласил ее к себе домой – он снимал скромную квартиру на одной из улиц, недалеко от центра города. Настя в смущении отказалась, но увидела, как парень ссутулился еще больше, глаза подернула пелена обиды.

«Господи! – ожгла ее догадка. – Он подумал, что я ему не доверяю, подозреваю в плохом!»

Всего лишь день назад Костя впервые взял ее за руку. Они гуляли у реки, и парень тихо, нерешительно прикоснулся к ее пальцам. Подождал немного – не отдернет ли? – потом

осторожно сжал. У Насти закружилась голова, горячо стало в груди... С этой минуты она, сама себе в том не сознаваясь, ждала – что же дальше?

Теперь, глядя на помрачневшего, обиженного ее отказом парня, она сама взяла его руку:

– Я не поняла вас, Костя, простите. Конечно, мне интересно побывать у вас.

Ну что ж, в глубине души Настя понимала, что там, в его квартире и последует продолжение. Разве не хотела этого? Мечтала, ждала, боялась... Когда Костя стал целовать ее, сама жарко прильнула к нему, закрыв глаза, приоткрыв губы, на мгновение потеряв сознание. И сказала себе, что он – ее первый и единственный. Но как только рука мужчины легонько коснулась ее груди, Настя пришла в себя, отстранилась. Он понял ее смущение, обхватил ладонями лицо девушки, стал целовать глаза, шептать:

– Любовь моя, единственная...

А назавтра, когда она, как всегда уйдя беспрепятственно из дому, прибежала к нему на свидание, Константин взял ее крепко за руку и повел в церковь. Достал из кармана два серебряных колечка, переговорил с батюшкой, и тот обручил их, нарекши женихом и невестой.

Тогда Настя и привела жениха в дом. Опасалась, конечно, сопротивления родителей: неизвестно откуда взявшийся, без денег и дела... Но и надежда была, что позволят ей поступить по-своему. До сих пор ведь позволяли. То, что рань-

ше обидою жило в сердце – родительское невнимание, – теперь могло хорошей стороной обернуться.

Не обернулось. Такой неприязни Настя и не ожидала. У любимого брата Андрюши, доброго и ласкового мальчика, глаза почему-то стали холодными, губы презрительно искривились. Мария Петровна намеревалась упасть в обморок, но потом замахала руками, закричала:

– Бесстыдница! Своевольница! – и убежала из комнаты.

Но хуже всего повел себя отец. Он только глянул на Костю, глаза стали бешеными, побагровел, стукнул по столу кулаком и так гаркнул: «Вон отсюда, проходимец!» – что Константин мгновенно выскочил за дверь. Настя замешкалась. Ее не так крик этот поразил, как то, что от удара отцового кулака отлетела ножка стола, покатались на пол и разбились вдребезги вазочка и конфетница... Девушка обмерла, а когда рванулась было за женихом, гневная рука отца ухватила ее за плечо.

– Куда? Настька, запру! Никогда не запирал, а теперь запру, из дому не выйдешь! Нашла жениха, дура!

– Батюшка, больно!

Настя снова рванулась, но Иван Афанасьевич еще сильнее сжал плечо, толкнул ее к другой двери.

– Не гневи, дочка! Иди в свою комнату, там сиди. И выбрось из головы проходимца! Ишь, теперь ему богатой невесты захотелось, девицы невинной...

Настя плохо слышала, что говорил отец. Она убежала к

себе и, плача от обиды и боли, все думала: отчего он так? Первый раз увидел Костю, не поговорил, не узнал его и так плохо о нем думает. Может, оттого, что не он ей жениха выбрал? Несколько раз отец намекал — да что намекал, прямо говорил! — о Мите Торопове. И толковый, и красивый, и нравом хороший, и к ней всей душой... Да Митя — это же дружок детства, словно брат. Она его, конечно, любит, но разве может сравниться это чувство с тем огнем, что выжигает ей сердце, лишь стоит подумать о Косте — его глазах, руках, губах у своих губ...

Весь этот день и половину следующего девушка не выходила из своей комнаты даже к столу. Правда, кухарка Матреша никому не стала рассказывать, как вечером Настя прокралась на кухню и женщина, тихонько охая, быстренько разогрела ей ужин и покормила. Пополудни в одном из своих самых простых платьев, наглухо застегнутом под самым подбородком, сжав решительно губы, Настя прошла через комнаты к выходу. Она думала, кто-то попытается ее остановить. Но лишь Митя Торопов, встретив ее во дворе, молча посторонился.

А еще через день Иван Афанасьевич с Андреем уехали по делам в Саратов. Каретников все же не оставлял надежду приобщить сына к семейному промыслу. Он не был слеп, видел, что парень умен, смышлен, достаточно образован. Только робок, изнежен и ленив. Раздражаясь на сына, отец все-таки вновь и вновь брал его с собой на фабрику, на причал,

заставлял смотреть, вникать в дела, разбираться в конторе с бумагами. Мария Петровна каждый раз причитала, Андрей тяготился навязанными заботами, но Каретников не отступал, делал по-своему. Теперь же он впервые взял сына в поездку, и Андрей отправился даже с радостью. Кто знает, думал отец, может, парень не совсем пропащий для дела? Может, войдет во вкус?..

Каретниковы уехали, а на следующий день пропала и Настя. Когда ее хватились, нашли у нее в комнате записку: «Простите, родные матушка и батюшка, и ты, братец Андрюша! Я уезжаю с женихом, данным мне Богом, далеко. Совсем его не зная, вы изгнали его из нашего дома, но не из моего сердца, Я объявлюсь, лишь когда мы крепко станем на ноги. И тогда, быть может, вы поймете свою ошибку, простите нас с Константином, примете наших детей – ваших внуков, которые, даст Бог, будут у нас. Батюшка! Не гневись, я взяла самочинно кредитные билеты – они помогут нам на первых порах на новом месте. Пройдет время, и мы вернем их вам с поклоном и благодарностью. А если посчитаете мой поступок бесчестным, пусть это будет все, что составит мое наследство. Не поминайте лихом. Любящая вас дочь Анастасия Каретникова».

Наверное, по возвращении отца Настю стали бы искать. Но случилось иначе – страшно и неожиданно. Через пять дней приехал Андрей и привез гроб с телом отца. Там, в Саратове, Каретников попал под колеса мчащегося экипажа,

был забит копытами коней и раздавлен колесами. Так что об убежавшей Насте долго еще не вспоминали.

Начальник полиции чувствовал себя несколько виноватым.

– Отнял у вас время мой племянш, – сказал он, словно извиняясь. – Вот настырный парень.

– История, им рассказанная, необычна. – Петрусенко казался задумчив.

– Трагическая история.

– Особенно трагическая из-за некоторых странных совпадений... Что вы сказали, он ваш племянник, этот молодой человек?

– Сын моего двоюродного брата. Покойного. Матери Дмитрий лишился еще в малолетстве, а когда четырнадцать ему исполнилось, умер мой кузен – его отец. Он был в Вольске земским врачом. Заразился, знаете ли, от своего больного испанкой. Да... Состояния не оставил. Вот я и помог мальчонке, устроил к Каретникову. Паренек-то был грамотный, смысленный, быстро выбился в люди. Правда, после смерти Ивана Афанасьевича не поладил с молодым хозяином, с Андреем Ивановичем, ушел от них. Но его тут же фабрикант Рябцов и пригласил к себе управляющим.

– Мне он тоже понравился, – сказал Петрусенко. – Толковый, здравомыслящий молодой человек. И в опасениях его есть резоны.

Начальник полиции даже растерялся.

– Викентий Павлович, голубчик, что вы говорите! Какие резоны? Тех, кто правил злосчастливым экипажем, мы нашли. Кучер-то в трактир отлучился перекусить, а кто-то угнал копей. Люди видели, как из трактира вывалились двое пьяных парней, полезли на козлы... А как наехали на Ивана Афанасьевича, так через улицу бросили экипаж и удрали, да недалеко. Мы всех свидетелей опросили, вычислили их, арестовали. Осуждены они, уже отбывают наказание. А больше ничего загадочного в этом происшествии нет.

– А письма Анастасии Каретниковой?

– Вот Митька, опять за свое! – теперь уже рассердился полицмейстер. – Уехала девица с женихом – новое ли дело? Хорошо, что пишет письма, не забывает семью. Что ж тут такого?

– А вот Дмитрий ваш заметил кое-что... Письма – два их было за полгода – приходили вскоре после поездок Андрея Каретникова в другие города и как раз из тех самых мест. Из-за этих писем он с молодым, как вы говорите, хозяином поссорился и расстался.

– Ну, не знаю... – развел руками начальник полиции. – Что там можно скрывать?

– Вот мне и захотелось узнать: что? Любезный Устин Петрович, вы не могли бы так устроить, чтоб кто-то меня к Каретниковым ввел, да только не как следователя? Просто как знакомого юриста?

– Это нетрудно. А мы будем только рады, Викентий Павлович, если вы у нас задержитесь.

Петрусенко засмеялся:

– Вот уж натура сыскная! Только домой рвался, а чуть интересным делом повеяло, как тут же стойку готов делать...

Невысокий, крепко сбитый фабрикант Рябцов был неожиданно чисто брит. Викентий Павлович невольно удивился этому, успев уже привыкнуть к окладистым бородам купцов-миллионщиков, генералов, крупных статских чинов. Прием у губернатора был в разгаре. Официальная часть с множеством тостов во здравие «звезды отечественного сыска» окончилась, обстановка сделалась непринужденной. Викентий Павлович вышел в летний сад покурить, тут к нему и подошел Рябцов, представился, крепко пожал руку.

– Не буду смущать вас, господин Петрусенко, своими похвалами. Столько сегодня уже говорено, все так справедливо.

Викентию Павловичу сразу показались необычно симпатичными его простецкая улыбка и – в контраст – лукаво-пристальный, пытливый взгляд.

– А с каким облегчением я нынче дышу! – продолжал новый знакомец. – Вы даже не представляете, хотя вы сами тому виновник. Я ведь отец трех юных девиц! Понимаете теперь?

Петрусенко прекрасно понимал: жертвами маньяка стано-

вились именно девушки. И родители месяцами боялись выпускать дочерей даже днем на простую прогулку... А Рябцов, легонько прихватив сыщика под руку, кивнул на стоящую под пальмами резную скамью:

– Я вижу, вы трубочку курите? Присядем, поговорим. Наш милейший блюститель порядка поведал мне о вашем желании познакомиться с Каретниковыми. Все, что могу...

Уже на следующий день Петрусенко с Рябцовым выехали в Вольск. Личный вагон фабриканта цеплялся к составу в середине, между другими вагонами. Все было в нем предусмотрено: гостиная, столовая с кухней, спальня хозяина и еще две для гостей, ванная, комната обслуги. Удобная мягкая мебель, ковры... За пять часов езды Петрусенко и отдохнул, и вкусно пообедал, и приятно поговорил с хозяином за чашкой кофе.

– Мы с покойным Иваном Афанасьевичем были давние друзья, – рассказывал Рябцов. – И партнеры. У него кожевенный завод, у меня – дубильная фабрика. У него горно-шахтное оборудование изготавливается, а я ему сталь со своего плавильного завода давал. И семьями дружили. Я, грешным делом, младшую свою Татьянку за его Андрюшку метил выдать. Каретников тоже был не прочь... Да вот как случилось...

Рябцов тактично не расспрашивал Петрусенко о том, что же того заинтересовало в истории Каретникова. Викентий Павлович, промокая салфеткой губы и усы, незаметно улы-

бался и думал, что при случае он не станет скрывать от симпатичного собеседника своего интереса. А фабрикант продолжал о детях:

– Андрюша Каретников с моими девчатами всегда дружил. Он паренек ласковый, был им вроде подружки. Я часто думал: ему девочкой родиться – в самый раз. Я ведь его крестил, так что люблю, как родного. А Танюша у меня и веселая, и рукодельница, и хороша собой. Мала еще – пятнадцать лет только будет. Да вот года через два подрастет и, глядишь, – все наладится.

Уловив в голосе Рябцова неуверенность, Петрусенко спросил:

– Что-то изменилось со смертью хозяина?

– Сам парень изменился, и очень сильно!.. Да это хорошо, хорошо! – оборвал сам себя Рябцов, да Викентий Павлович особой бодрости в его голосе не почувствовал. – Мужчиной стал! Легко было ему быть «барышней» при таком прикрытии, как его покойный батюшка. Иван Афанасьевич чего хотел – всего добивался! Парень, конечно, не готов был дело в руки взять, а вот пришлось. Да и то сказать: в одну неделю и отца потерять, и сестру, сбежавшую невесту куда. Поневоле мужчиною станешь.

– И все же, Петр Самсонович, что-то вам не по душе?

– Уж очень изменился парень. Все понимаю, а вот... Резок, даже груб. Избегает общаться, и не только со мной. Словно все прежние привязанности рвет. Советов принять

не хочет.

– Плохо хозяйничает?

– Нет, не плохо. Да только подсказать многое я все же мог бы ему...

Задумался, повторил, словно удивляясь:

– И верно, хозяином оказался толковым. А ведь вроде не готов к тому был, в дела при живом отце не вникал. Ан, видно, порода каретниковская сказывается. Полгода хозяйничает Андрей Иванович без убытку.

– А вот нынешний ваш управляющий, Дмитрий Торопов, отчего ушел от Каретникова?

– Да все оттого же! – воскликнул, вновь распаляясь, Рябцов и даже чайничек с кофе, не донеся до чашки, поставил. – Сам все хочет! Подсказок не терпит, злится! А ведь какой Дмитрий помощник – поискать! Знаю я, Иван Афанасьевич за него выдать дочку хотел. Вот и я бы с радостью свою старшую, Марью, отдал бы. Только Митя все о Насте печалится, ни на кого не смотрит.

– Вам, Петр Самсонович, ничего странного не почудилось в трагедии, что постигла семью вашего друга?

Петрусенко смотрел на собеседника искренне и пытливо. Рябцов вроде даже растерялся.

– Нет... Что ж тут... Судьба! Может, только одно: Антонина, любовница Каретникова, не вернулась обратно в город.

– Вот как? Она ездила с ним в Саратов? Этого я не знал.

Куда ж подевалась?

– Да, говорят, там же, в Саратове, какой-то богатый про-
езжий подхватил ее и увез.

– Это достоверно?

– Нет, слухи. Но очень может быть. Она баба красивая,
разбитная, своего не упустит. Влюбить в себя любого мо-
жет, знаю!.. – Рябцов с шумным всхлипом покрутил голо-
вой, мечтательно прищурил глаза. – Она, конечно, и тут бы,
в Вольске, нашла себе содержателя. Но, знаете, городок у нас
патриархальный, суеверия в ходу... Кто знает, как оберну-
лось бы.

– Думаете, тень покойного витала бы над ней?

– Могло и так стать... Увезла ведь живого мужика, а
вернула мертвого. Так что, ежели кто подвернулся, был ей
резон уехать.

– Но вас ее исчезновение смутило?

– По правде сказать, да. Не по-христиански это – умерше-
го бросить. Я-то знаю: он в ней души не чаял, любил с раз-
махом, не скрывая. Но, с другой стороны, сын при покойном
был, дома жена законная ждала... Да, оправдать бабу можно,
а вот что-то гнетет меня.

Дом Каретниковых был хорош. Двухэтажный, каменный – чисто особняк! Стоял высоко, с видом на волжское раздолье, вокруг большой сад – даже зимой было заметно, что за ним хорошо ухаживают. К высокому крыльцу с резными деревянными колоннами вела аллея из крепкостволых высоких деревьев. По серебристому отливу коры Викентий Павлович узнал тополя. В его родных, более южных краях это дерево бывало и мощнее, и выше. Но стройная аллея радовала глаз.

Коляска Рябцова осталась у кованой – в пиках и завитушках – ограды, они же прошли к дому по старательно очищенной от снега дорожке. «В доме есть хозяин – хороший и строгий», – отметил для себя Петрусенко. Этого хозяина они вскоре и приветствовали, когда двое расторопных слуг стали в передней чистить от снега их меховые макинтоши, а оба гостя прошли в залу. Раскрасневшиеся с мороза, потирая руки, они сразу почувствовали, как здесь уютно, как жарко натоплена изразцовая печь.

Из другой двери, откинув портьеру, к ним вышел юноша. И хотя Петрусенко знал, что Андрею Каретникову всего девятнадцать лет, все же поразился, насколько тот и в самом деле молод, выглядит даже моложе своих лет. Рябцов тут же по-свойски обнял хозяина, но Викентий Павлович заметил, как паренек сдвинул брови и, помедлив для приличия самую

малость, поспешил отстраниться. Усмехнувшись про себя, Петрусенко решил, что не так уж тот юн и беззащитен. Но красив был парень замечательно: стриженные кругом волосы лежали крупными кольцами вокруг чистого лба, брови и ресницы были темнее волос, серые глаза казались огромными, ямочка на подбородке, мягко очерченные, но твердо сжатые губы. Паренек выглядел невысоким и хрупким, но Петрусенко помнил по рассказу Торопова, что Андрей в детстве и отрочестве много болел.

– Вот, крестник, пришел повидаться и товарища с собой привез. Рекомендую – господин Петрусенко, адвокат.

Андрей улыбнулся приветливо, но сдержанно.

– Милости прошу. Рад. Петр Самсонович нам родной, и его друзья в нашем доме всегда в радость.

Голос был под стать самому юноше: ломкий, но приятный, глубокий. Каретников провел гостей к дивану, усадил, сам присел поодаль, у стола. Но Викентий Павлович сразу понял, что присел ненадолго.

– Как дела, Андрюша? Забыл ты нас, не заходишь. Девчата мои скучают.

– Привет им передавайте. А что до бывших посиделок, так то время прошло. Другие у меня теперь заботы.

– Не нужна ли помощь? – обеспокоился Рябцов.

– Нужны, дорогой Петр Самсонович, и совет, и помощь. Мне на завод предлагают новое оборудование, аглицкое. Мой инженер очень советует, а я в сомнении. Посмотрели

бы вы да ваши специалисты проспекты...

Андрей с улыбкой глянул на Петрусенко:

– Нашему гостю эти разговоры вряд ли интересны. Я зайду к вам, скажите – когда?

– Зайди, милый, завтра, а то третьего дня я вновь отбуду. А потому вот о чем просить тебя хотел... Господин Петрусенко в нашем городе по делам на несколько дней. А дела его – в уездной управе. Я-то уезжаю, в моем доме ему среди моих девиц шумно да хлопотно будет. А отель наш, сам знаешь, горел недавно, теперь ремонтируется...

– Я понял, крестный! Мой дом велик да пуст, и уездная управа рядом, в двух шагах. И я, и маменька будем рады гостеприимство оказать.

– Благодарю вас, господин Каретников, – Викентию Павловичу молодой человек становился все более симпатичным. – Мне и вправду так будет удобнее.

– Тогда, Андрюша, распорядись: у ворот моя коляска, там вещи нашего гостя.

– Я пошлю Степана, – сказал Андрей Викентию Павловичу. – Он отнесет ваш багаж наверх, в гостевую комнату, все там приготовит. И пока вы будете жить здесь, этот слуга – в вашем полном распоряжении.

Тут молодой человек встал, чтобы встретить вошедшую женщину, подвел ее, а сам извинился:

– Вот матушка составит вам компанию. Я же пойду – дела ждут. Распорядусь, чтоб обед подавали...

Втроем, перейдя в столовую, они еще долго сидели за гостеприимным обильным столом. Был здесь рассольник из гусятинных потрохов, мясной пирог-расстегай, волжская осетрина, по-особому приготовленная. К чаю с горячими булочками принесли терновой наливки... Мария Петровна так была рада и куму, и неожиданному гостю, что Петрусенко тотчас же понял, как одиноко и замкнуто живет эта женщина. Бесспорно, она была красавицей – лет двадцать назад. Но теперь превратилась в матрону, озабоченную лишь мыслями о любимом сыне. О нем и говорила все время: и хвалила, и жаловалась одновременно.

– Почти не вижу Андрюшеньку! Обедать разом не сядет – весь в делах, разъездах. Таким ли он был, Петр Самсонович?

– Да, парень изменился! Не погибни Иван Афанасьевич, так бы он и оставался при вас, вашим сыночком. Но видите, как жизнь повернула...

– Оно, конечно... – вздыхала женщина. Во вздохе этом была, видимо, и грусть о погибшем. Но, подумалось Петрусенко, – грусть обычная, человеческая, а не женская тоска. И опять:

– Уезжает часто сынок...

– Но ведь промысел у вас какой – по Волге до Каспия! И фабрики по уезду. А у Андрея Ивановича хватка каретниковская!

О дочери за все это время Мария Петровна словно и не вспомнила. Может, стыдилась чужого человека? Только все

об одном:

– И не поговорит Андрюшенька! Все: «Дела, маменька, некогда». Ручку поцелует – и с глаз...

После обеда Рябцов откланялся. Петрусенко тоже оделся, вышел его проводить. Пока шли по аллее к воротам, фабрикант говорил радостно:

– Слышали? Попросил-таки моего совета крестник! Ничего, все еще наладится.

И не удержался, спросил:

– А все же, Викентий Павлович, коли не секрет: что вас привело к Каретниковым? Трагедия, да! Но тайн вроде нет...

Петрусенко, склонив голову и слушая, как морозно поскрипывает в такт шагам снежок, ответил не сразу. Потом пожал плечами как будто даже небрежно.

– Совпадений много: дочь убегает, отец погибает, женщина исчезает, сын меняется... Я, знаете ли, привык не доверять случайным совпадениям. Совпадения, по-моему, знак судьбы. А значит – не случайны...

Успел еще Викентий Павлович немного погулять по городку. Мощеные улочки здесь то сбегали под горки, то поднимались на холмы. Дома, в основном деревянные и одноэтажные, смотрелись добротнo, нарядно. Должно быть, не везде так было, но Петрусенко в окраины не углублялся. И еще показалось ему, что в небольшом этом городке очень много детворы. Он постоянно натыкался на ребят. То в него попадали снежком, то чуть не сбивали на крутом поворо-

те вихрем мчащиеся санки. В городском сквере, на залитом катке, красиво катались гимназисты и пансионеры. Но когда он спустился к пристани, увидел, что застывшая река стала сплошным катком для множества мальчишек и девчонок, да и для взрослых тоже.

Смеркалось рано, пробили вечерню колокола двух церквей. Викентий Павлович вернулся в усадьбу Каретниковых. Мария Петровна на минутку вышла к нему пожелать спокойной ночи. Андрея нигде не было видно. Вообще в доме стояла сонная, предночная тишина и покой. Петрусенко попросил чай себе в комнату, лег в рубашке и брюках на кровать, поверх покрывала, раскурил трубку.

От сегодняшнего дня большего, чем знакомство с хозяином, он и не ожидал. Завтра он начнет ненавязчиво вживаться в быт, разговаривать со слугами, надворными рабочими, местным приставом, почтальоном... Если представится случай, напросится с Андреем сходить на завод: хорошо бы пообщаться с инженером. Ну а Каретниковы... Мария Петровна проста для понимания. Но станет ли она рассказывать о покойном муже? У нее могли быть причины о чем-то умалчивать. Кто знает?.. Андрей тем более крепкий орешек, это он понял почти сразу. Обманчивая юная внешность и тяжелый блеск в глазах. Избегает общения. А ведь как раз он особенно интересен: очевидец трагедии. Как к нему подобрать ключик?

Викентий Павлович потянулся, сел, нащупал ногами ноч-

ные тапочки. Он чувствовал, как дремота обволакивает его. Это уютная комната так действовала. Из стены чуть выступил угол печи, обложенный чудесными изразцами. Узоры литой дверцы поддувала начищены до блеска, а ручка в виде медвежьей морды – настоящее произведение искусства. Тепло, идущее от печи, клонило в сон, но ему еще нужно было время – подумать, сделать записи в блокноте. Петрусенко вспомнил, что в гостиной на столе стоял и, видимо, постоянно – графинчик с коньяком. Он улыбнулся: вот что ему надо – рюмочку коньяка! Это взбодрит, на время прогонит сон. Беспокоить приставленного слугу Степана не хотелось. Он, еще когда принес чай, откланялся, пожелав спокойной ночи. Старик небось уже лег в постель. Викентий Павлович встал, взял подсвечник, снял со свечи нагар, чтобы ярче горела, и отворил дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.